

Горький разоблачает Америку

БУРЕВЕСТНИК РЕВОЛЮЦИИ

(К 90-летию со дня рождения А. М. ГОРЬКОГО).

★

Имя великого писателя земли русской А. М. Горького стало одинаково любимым и в стране Советов и за рубежом.

Творчество А. М. Горького было неразрывно связано с делом Коммунистической партии.

Еще до того, как Горький открыл новый революционный метод в искусстве — социалистический реализм, он поразил мир своим могучим талантом. Его ранние произведения были поистине народны. Вера в неиссякаемую силу народа, в огромную творческую возможность человека — вот главное в творчестве Горького — писателя.

В самой тяжелой и мрачной действительности буржуазного строя среди «свинцовых мерзостей» жизни Горький умел видеть в людях человеческое, светлое начало. В Данко, Марко, Соколе и других сказочно-легендарных, аллегорических образах воплощен гуманистический идеал писателя. В то же время он выступал суровым обличителем капиталистического строя.

М. Горький был первым в художественной литературе, кто нашел истинного героя жизни и литературы. Это был рабочий — представитель революционного класса, которому принадлежит будущее. В поэме «Человек» заложен идеал и символ веры для многих поколений, стремившихся вслед за Горьким «Вперед и выше!» Это стихотворение в прозе было столь же программным, как и «Песнь о буревестнике», предвещавшая грядущую революцию.

Дружба с вождем мирового пролетариата В. И. Лениным во многом помогла писателю. Известно, что на пятом Лондонском съезде партии, где Горький присутствовал с правом совещательного голоса, Ленин высоко оценил книгу «Мать».

Перу Горького принадлежит много замечательнейших произведений: «Владимир Ильич Ленин», «Мои университеты», «Дело Артамоновых», пьесы: «Егор Булычев и другие», «На дне», «Враги», роман-эпопея «Жизнь Клима Самгина», десятки и сотни статей по различным вопро-

сам, связанным с историей и теорией литературы, сотни очерков, рассказов, стихотворений. Поистине могучий талант! Среди произведений А. М. Горького особое место занимает цикл очерков и статей, в которых великий писатель разоблачает язву современной ему Америки. Много лет прошло с той поры, как на весь мир прозвучали гневные и страстные слова публициста. Внешне многое изменилось в США. Но главное осталось тем же — буржуазный строй, унижающий человека. Проституированная свобода и власть денег, ради которой капиталисты готовы на любые чудовищные преступления.

...Над океаном и землей висел туман, густо смешанный с дымом, мелкий дождь лениво падал на темные здания города и мутную воду рейда.

У бортов парохода собрались эмигранты, молча глядя на все вокруг пытливыми глазами надежд и опасений, страха и радости.

— Это кто? — тихо спросила девушка-полька, изумленно указывая на статую Свободы. Кто-то ответил:

— Американский бог...
Массивная фигура бронзовой женщины покрыта с ног до головы зеленой окисью...

(М. Горький «Город Желтого Дьявола»).

ЖЕЛТЫЙ ДЬЯВОЛ

...Все больше и больше вспыхивает желтых огней — целые стены сверкают пламенными словами о пиве, о виски, о мыле, о новой бритве, шляпах, сигарах, о театрах. Грохот железа, гонимого всюду вдоль улиц жадными толчками Золота, не становится тише. Теперь, когда везде горят огни, этот непрерывный вопль еще значительнее, он приобретает новый смысл, более тяжелую силу.

Со стен домов, с вывесок, из окон ресторанов — льется ослепляющий свет расплавленного Золота. Нахальный, крикливый, он торжествующе трепещет всюду, режет глаза, искажает лица своим холодным блеском. Его хитрое сверкание полно острой жажды вытянуть из карманов людей ничтожные крупицы их заработка, — он слагает свои подмигивания в огненные слова и этими словами молча зовет рабочих к дешевым удовольствиям, предлагает им удобные вещи.

Страшно много огня в этом городе! Сначала это кажется красивым и, возбуждая, веселит. Огонь — свободная сти-

хия, гордое дитя солнца. Когда он буйно расцветает — его цветы трепещут и живут прекрасней всех цветов земли. Он очищает жизнь, он может уничтожить все ветхое, умершее и грязное.

Но когда в этом городе смотришь на огонь, заключенный в прозрачные темницы из стекла, понимаешь, что здесь, как все, огонь — поработен. Он служит Золоту, для Золота и враждебно далек от людей...

Как все — железо, камень, дерево — огонь тоже в заговоре против человека; ослепляя его, он зовет:

— Иди сюда!
И выманивает:
— Отдай твои деньги!

Люди идут на его зов, покупают ненужную им дрянь и смотрят на зрелища, отупляющие их.

Кажется, что где-то в центре города вертится со сладострастным визгом и ужасающей быстротой большой ком Золота, он распыливает по всем улицам мелкие пылинки, и целый день люди жадно ловят, ищут, хватают их. Но вот наступает вечер, ком Золота начинает вертеться в противоположную сторону, образуя холодный, огненный вихрь, и втягивает в него людей затем, чтобы они отдали назад золотую пыль, пойманную днем. Они отдают всегда больше того, сколько взяли, и на утро другого дня ком Золота увеличивается в объеме, его вращение становится быстрее, громче звучит торжествующий вой железа, его раба, грохот всех сил, поработенных им.

(М. Горький. «Город Желтого Дьявола»).

Торжество скудоумия

...И все зрелища в этом городе имеют одну цель: показать людям, чем и как они будут вознаграждены за грехи свои после смерти, научить их жить на земле смиренно и послушно законам...

Всюду проповедуется одно: — Нельзя!

Ибо подавляющее большинство публики — рабочий народ...

Так вот — когда приходит ночь, — на океане внезапно вспыхивает прозрачный, волшебный город, весь из огней. Он — не горяя — долго горит на темном фоне неба ночи, отражая свою красоту в широком блеске волн океана.

В блестящей паутине его прозрачных зданий, подобно вшам в лохмотьях нищего, скучно ползают десятки тысяч серых людей с бесцветными глазами.

Жадные и подлые — показывают им отвратительную наготу своей лжи и наивность своей хитрости, лицемерие свое и ненасытную силу жадности своей. Холодный блеск мертвого огня во всем оголяет скудоумие, и оно, торжественно блестя, почует на всем вокруг людей...

Только одно хорошо в светлом городе — в нем можно на всю жизнь напоить душу свою ненавистью к силе глупости... (М. Горький. «Царство скуки»).

Только за то, что он черный...

УЖАС НИЩЕТЫ

...Я очень много видел нищеты, мне хорошо знакомо ее зеленое, бескровное, костлявое лицо. Ее глаза, тупые от голода и горящие жадностью, хитрые и мстительные или рабски покорные и всегда нечеловеческие я всюду видел, но ужас нищеты Ист-Сайда — мрачнее всего, что я знаю.

В этих улицах, набитых людьми, точно мешки крупной, дети жадно ищут в коробках с мусором, стоящих у панелей, загнившие овощи и похищают их вместе с плесенью тут же, в едкой пыли и духоте.

Когда они находят корку загнившего хлеба, она возбуждает среди них дикую вражду; охваченные желанием пролотить ее, они дерутся, как маленькие собачонок. Они покрывают мостовые стаями, точно прожорливые голуби; в час ночи, в два и позднее — они все еще роются в грязи,

жалкие микробы нищеты, живые упреки жадности богатых рабов Желтого Дьявола.

На углах грязных улиц стоят какие-то печи или жаровни, в них что-то варится, пар, вырываясь по тонкой трубке на воздух, свистит в маленький свисток на конце ее. Тонкий, режущий ухо свист прорывает своим дрожащим острием все звуки улиц, он тянется бесконечно, как ослепительно белая, холодная нить, он закручивается вокруг горла, путает мысли в голове, бесит, гонит куда-то и, не смолкая ни на секунду, дрожит в гнилом запахе, подравшем воздух, дрожит насмешливо, злобно пронизывая эту жизнь в грязи.

Грязь — стихия, она пропитала собою все: стены домов, стекла окон, одежды людей, поры их тела, мозги, желания, мысли...

(М. Горький. «Город Желтого Дьявола»).

Американский «экспорт».

Слепые орудия

...Лица людей неподвижно спокойны — должно быть никто из них не чувствует несчастья быть рабом жизни, лицей города-чудовища. В печальном самознании они считают себя хозяевами своей судьбы — в глазах у них порою светится сознание своей независимости, но, видимо, им непонятно, что это только независимость топора в руке плотника, молотка в руке кузнеца, кирочки в руках невидимого каменщика, который, хитро усмехаясь, строит для всех одну опрощенную, но тесную тюрьму. Есть много энергичных лиц, но на каждом лице прежде всего видишь зубы. Свободы внутренней, свободы

духа — не светится в глазах людей. И эта энергия без свободы напоминает холодный блеск ножа, который еще не успели иступить. Это — свобода слепых орудий в руках Желтого Дьявола — Золота.

Я впервые вижу такой чудовищный город, и никогда еще люди не казались мне так ничтожны, так поработенны. И в то же время я нигде не встречал их такими трагикомически довольными собой, каковы они в этом жадном и грязном желудке обжоры, который выал от жадности в идиотизм и с диким ревом съота пожирает мозги и нервы. (М. Горький. «Город Желтого Дьявола»).

КУЛЬТУРА ДИКАРЕЙ

...Пришел толстый хищник, паразит, живущий чужим трудом, получивший с лозунгом: «После меня — хоть потоп», — пришел и жирными ногами топчет все, что создано из самой тонкой нервной ткани великих художников, просветителей трудового народа.

Ему, толстому, женщина не нужна как друг и человек, она для него — только забава, если она не такая же хищница, как сам он. Не нужна ему женщина и как мать, потому что хотя он и любит власть, но дети уже стесняют его. Да и власть нужна ему как бы лишь для фокстрота, а фокстрот стал необходим потому, что толстый — уже плохой семяц. Любовь для него — расчужество и становится все более развратом воображения, а не буйством распущенной плоти, чем была раньше. В мире толстых эпидемически разрастается «однополая» любовь. «Эволюция», которую переживают толстые, есть вырождение.

Это — эволюция от красоты менуэта и живой страстности вальса к цинизму фокстрота с судорогами чарльстона, от Моцарта и Бетховена

к джаз-банду негров, которые, наверное, тайно смеются, видя, как белые их владыки эволюционируют к дикарям, от которых негры Америки ушли и уходят все дальше.

«Погibaет культура!» — вопят защитники власти толстых над рабочим миром. «Пролетариат призван погубить культуру!» — вопят они и лгут, потому что не могут не видеть, как всемирное стадо толстых людей выгаптыкает культуру, не могут не понимать, что пролетариат — единственная сила, способная спасти культуру и углубить и расширить ее.

Нечеловеческий бас ревет английские слова, оглушает какая-то дикая труба, напоминающая крики обозленного верблюда, грохочет барабан, верещит сверкающая дудочка, раздирает уши, крякает и гнусаво гудит саксофон. Раскачивая жирные бедра, шаркают и тонают тысячи, десятки тысяч жирных ног.

Наонец, музыка для толстых разрешается оглушительным грохотом, как будто с небес на землю бросили ящик посуды...

(М. Горький. «О музыке толстых»).

Он потерял надежду найти работу.